

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92
УДК 32(045)

Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках в период 1991–2000 годов

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В 1991 г. с распадом СССР образовалось пятнадцать независимых республик. При этом процессы, которые шли в позднем Союзе, повлияли на дальнейшее формирование суверенных властных систем в «молодых» государствах. Среди них – идеологический и аппаратный факторы. В итоге все пятнадцать республик, по-разному относившиеся к распаду Советского Союза и параду суверенитетов, оказались перед задачей поиска собственной идентичности, как национальной, так и государственно-аппаратной, а также необходимостью формирования кадровой политики и выстраивания вертикали власти. Исключением не стали и центральноазиатские республики, где, помимо выше-описанных задач, остро стоял вопрос влияния трибалистского фактора.

Ключевые слова: распад СССР; Центральная Азия; Казахстан; суверенные властные системы

Для цитирования: Осинина Д.Д. Формирование суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках в период 1991–2000 годов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):89-92. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92

ORIGINAL PAPER

Formation of Sovereign Power Systems in the “Young” Central Asian Republics in the Period 1991–2000

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

In 1991, with the collapse of the USSR, fifteen independent republics were formed. At the same time, the processes that took place in the late Union influenced the further formation of sovereign power systems in the “young” states. Among them are ideological and apparatus factors. As a result, having different attitudes towards the collapse of the Union and the parade of sovereignties, all fifteen republics faced the task of finding their own identity, both national and state-apparatus, and the need to form a personnel policy and build “power vertical”. The Central Asian republics were no exception, where, in addition to the above tasks, the question of the influence of the tribalist factor was acute.

Keywords: the collapse of the Soviet Union; Central Asia; Kazakhstan; sovereign power systems

For citation: Osinina D.D. Formation of sovereign power systems in the “young” Central Asian republics in the period 1991–2000. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):89-92. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-89-92

Распад СССР стал результатом череды процессов, происходивших в нем с конца 1970-х по 1991 г.: социальных, экономических, политических. Однако особую роль сыграл кризис коммунистической идеологии, являвшейся стержневой основой всей социалистической системы. Начавшийся в «верхах», он отразился и на простом населении. Так, вместе с ростом личных свобод (таких как право на переписку с иностранцами, облегчение процедуры выезда за рубеж и бракоразводного процесса) идет увеличение доходов граждан на фоне дефицита товаров, роста спекуляции и появления первых организованных преступных группировок, «крышующих» цеховиков [1]. В итоге меняющиеся коммунистические идеалы постепенно вели к изменению представлений о коммунистической идеологии как таковой.

В то же самое время единства не было и в рядах самой Коммунистической партии, где начиная с конца 1960-х гг. можно выделить четыре идеологических крыла, по-разному воспринимающих текущую ситуацию и перспективы реформ в СССР. К ним можно отнести:

- *Консерваторов*, среди которых были наиболее влиятельные представители Политбюро: М.А. Суслов, Л.И. Брежнев и А.А. Громыко, выступавшие за полное сохранение статуса-кво в политико-экономической системе страны.

- Второе по влиятельности — *либеральное или как его часто называют — реформистское крыло* (А. Яковлев, Г. Шахназаров, Ф. Бурлацкий), выступавшее за проведение модернизации социальной и политико-экономической системы СССР, в частности за увеличение прав и свобод граждан, а также создание фракций внутри Компартии и т.д. [2].

- *Сталинисты*, среди которых: А. Косыгин, А. Шелепин, Д. Устинов, выступавшие за реставрацию сталинских методов управления.

- *Почвенники*, отстаивавшие идею «русского» социализма и построения государства на основе превалярования русских ценностей.

Разумеется, данные течения выделены весьма условно, основным критерием для подобной дифференциации является оценка представителями Политбюро текущего состояния политической и экономической сферы СССР, общественного устройства страны, а также ориентация на проведение реформ в Союзе. Помимо четырех вышеупомянутых течений стоит отметить и либерально-диссидентское крыло, в состав которого входили ориентированные на Запад представители интеллектуальной элиты СССР: А. Сахаров, А. Гинзбург и др.

Таким образом, описанные выше процессы свидетельствуют о подрыве «канонической» коммунистической идеологии как в высших эшелонах Компартии, так и среди населения страны. Отсутствие единства в вопросах развития и модернизации государства сыграло свою роль в событиях 1991 г., заложив основы декоммунизации общества и государства в целом. А попытки Ю.В. Андропова, пришедшего к власти после смерти Л.И. Брежнева, навести порядок в стране, и прежде всего в рядах партийной элиты, опираясь на силовые структуры, лишит номенклатуру привилегий, привели к недовольству последней. В итоге после смерти Ю.В. Андропова представители всех четырех течений консолидировались вокруг консервативного кандидата К.У. Черненко, ориентированного на эпоху «брежневского застоя». Однако с началом «перестройки» неотвратимость модернизации советской системы признавалась абсолютным большинством представителей партийной номенклатуры, другое дело — какие сферы она должна затронуть и каким путем ее проводить. И несмотря на то, что большинство представителей партийной номенклатуры признавали, что Коммунистическая партия Советского Союза является ключевой объединяющей силой, ликвидация которой приведет к распаду страны, среди членов либерального крыла были и те, кто выступал за отказ от КПСС. Среди них — секретарь ЦК КПСС Б.Н. Ельцин. В итоге в марте 1990 г. была принята поправка в Конституцию СССР, отменявшая шестую статью о руководящей роли Компартии.

В дальнейшем процессе декоммунизации Союза особую роль сыграли представители республиканской элиты, в особенности — РСФСР, из-за личных амбиций Б.Н. Ельцина и его окружения, продвигавших идею суверенитета республики. Результатом борьбы республиканских и всесоюзных властей стало принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990 г., предоставившей республике право проводить самостоятельную политику. А процессы, шедшие в Центре, вели к ослаблению контроля за остальными республиками, и в итоге в Союзе победили центробежные силы и общий курс на децентрализацию. Описанное выше свидетельствует о двух ключевых факторах, сыгравших особую роль в распаде СССР и становлении новой постсоветской государственности, — идеологическом и аппаратном. И если первый фактор имел под собой объективные причины, то аппаратный связан со следующими мотивами:

- желанием республиканских элит обрести политико-экономическую и международную субъ-

ектность, право принимать самостоятельные, независимые от Центра решения;

- стремлением молодых республиканских партийных функционеров быстрее подняться по карьерной лестнице (что в условиях доминирования геронтократического принципа в кадровой политике СССР сделать было достаточно сложно);
- желанием представителей республиканской элиты в условиях стартовавшей децентрализации монетизировать имеющийся у них административный и силовой ресурсы.

Более того, субъективность аппаратного фактора видна на примере результатов Всесоюзного референдума о сохранении СССР, где Союз поддержало более 76% населения, при том, что явка составила 79,5% (не проводилось голосование в ряде советских республик, где национальные элиты выступили против создания избирательных комиссий и открития избирательных участков, за исключением войсковых частей)¹.

В итоге, в условиях распада СССР в борьбе между желанием сохранить страну и личными амбициями победили последние. Исключением не стали и главы центральноазиатских республик, которые, несмотря на целый багаж проблем (социально-экономический и политический кризисы, наличие этнополитических конфликтов, угроза распространения радикального исламизма и т.д.), получили новые возможности, связанные с монетизацией административного и силового ресурсов, а также с формированием персональной клиентеллы, состоящей из членов семей и ближнего окружения.

С другой стороны, распад Союза поставил перед лидерами молодых государств вопрос поиска собственной идентичности — причем как национальной, так и аппаратно-государственной. В ситуации, когда РСФСР взяла курс на дистанцирование от молодых постсоветских республик, последние сделали ставку на укрепление национальной компоненты, ориентируясь на внутреннюю политику на «консолидацию титульных этносов и легитимацию этнократии, что помогло им сделать политический режим более стабильным и менее подверженным влиянию внешних центров силы» [3]. Исключением не стали и центральноазиатские республики, среди которых дальше всех пошел Казахстан, закрепив в преамбуле к Конституции 1993 г. следующую формулировку: Казахстан является «формой государственности

самоопределившейся казахской нации» [4]. Внешение изменений в преамбулу произошло в 1995 г., на смену предыдущей версии пришла новая: «мы, народ Казахстана»². Соответственно, с принятием новой Конституции окончился период построения государства-нации, который, по М.А. Хрусталеву, является важной составляющей развития государственности у каждой страны [3].

Схожие процессы шли в соседних с Казахстаном Узбекистане, Туркменистане и Киргизии, где лидеры республик также сделали ставку на укрепление титульной компоненты. Исключением в определенной степени стал Таджикистан, где развернувшаяся гражданская война требовала не просто укрепления титульной компоненты, а поддержки одного из двух крупных кланов — ходжентского или кулябского. Война в республике завершилась только в 1997 г. при содействии России и непосредственном участии 201-й мотострелковой дивизии, — у власти окончательно закрепил свои позиции кулябский клан в лице президента страны Э. Рахмона.

Вместе с поиском государственной идентичности перед главами «молодых» центральноазиатских республик остро стоял вопрос укрепления собственных позиций в вертикали власти, а также формирования новой команды, лояльной и преданной избранным главам государств. Эти задачи тесно связаны с кадровой политикой постсоветских республик, которая с 1991 г. и по сей день опирается на следующие критерии:

Национальный. Учитывая, что все центральноазиатские лидеры пришли к власти на фоне подъема национального движения, а также принимая во внимание тот факт, что перед ними стояла задача поиска собственной идентичности, в том числе национальной, начиная с 1991 г. последовательно увеличивается доля представителей титульного этноса в высших эшелонах власти. Так, например, в Казахстане последним русским представителем в политическом истеблишменте страны был С.А. Терещенко, до октября 1994 г. занимавший должность премьер-министра РК. То же можно сказать и о силовых структурах, где процесс «казахизации» был еще более быстрым — в декабре 1991 г. Председателем республиканского КГБ вместо Н. Вдовина становится Б. Баекенов, работавший вместе с Н. Назарбаевым в Карагандинском обкоме компартии в 1970-е гг. А само ведомство

¹ «Централизация мешала»: как республики голосовали за сохранение СССР. URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/03/16_a_13513298.shtml.

² Республика Казахстан. Конституция. Конституция Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

преобразуется в Комитет национальной безопасности Республики Казахстан и подчиняется напрямую президенту страны.

Клановый. Несмотря на то что советская система строилась на публичном отрицании влияния традиционных структур, в кадровой политике они учитывались на всем протяжении существования Союза и особую роль стали играть на фоне активизации национального движения во второй половине 1980-х гг. Более того, «молодые» руководители центральноазиатских республик пришли к власти при активной поддержке того или иного клана или жуза. Если мы говорим о Казахстане, то особую поддержку Н. Назарбаеву оказал Старший жуз, представителем которого он является. Напротив, в Узбекистане традиционные институты представлены кланами, выделенными по территориальному принципу, — И. Каримова поддержал его родной самаркандский клан.

Семейно-родственный. Если два вышеперечисленных критерия позволили лидерам центральноазиатских республик прийти к власти, то формирование кадровой политики с опорой на семью и ближайших родственников позволило удержаться на «вершине».

Жесткая аппаратная борьба, наличие межклановых/междуэзовых противоречий, а также влияние внешних центров силы заставили центральноазиатских лидеров взять курс на укрепление личной власти через интеграцию в политическое пространство страны представителей семьи и ближайшего окружения. Например, в Казахстане с середины 1990-х гг. появилось два термина, характеризующих кадровую политику в стране: «чемолганизация» (назначение на топовые позиции выходцев из родного села Н. Назарбаева — Чемолган³) и «семья президента» (интеграция в политическую и бизнес-элиты страны дочерей и зятьев Н. Назарбаева).

Конечно, важно отметить, что, исходя из задач, стоявших перед государством и лично главой страны, в разные периоды доминировали те или иные из вышеуказанных критериев. Однако все они вкупе с поиском национальной и государственно-аппаратной идентичности играли важную роль в формировании суверенных властных систем в «молодых» центральноазиатских республиках.

³ В некоторых источниках из-за разницы в произношении можно встретить другое название Шамалган.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осинина Д.Д. «Смена караула: кадровый резерв Центрально-Азиатских элитных сообществ». М.: ИНФРА-М; 2020.
2. Волгин Е.И. Общественно-политические объединения современной России на рубеже веков. Часть I: вторая половина 1980-х — 1999 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/SMPP/Staff/Volgin.pdf>.
3. Хрусталева М.А. Этнополитическая ситуация в Центральной Азии. Южный фланг СНГ. М.: Навона; 2005.

REFERENCES

1. Osinina D.D. Changing the guard: the personnel reserve of Central Asian elite communities. Moscow: INFRA-M; 2020. (In Russ.).
2. Volgin E.I. Socio-political associations of modern Russia at the turn of the century. Part I: the second half of the 1980s — 1999. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/SMPP/Staff/Volgin.pdf>. (In Russ.).
3. Khrustaleva M.A. Etnopoliticheskaya situatsiya v Tsentralnoy Asii [The ethnopolitical situation in Central Asia]. Moscow: Navona; 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка 2-го года обучения Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
daria_osinina@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Osinina — 2nd-year Post-graduate student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
daria_osinina@mail.ru

Статья поступила 10.04.2021; принята к публикации 30.04.2021.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.04.2021; accepted for publication on 30.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.